

Лавров Л.И. Абазины // Кавказский этнографический сборник М., 1955. Вып. 1.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

Ж.В. Кагазежев

ПОСЕЛЕНИЯ И КУЛЬТОВЫЕ СТРОЕНИЯ В КАБАРДЕ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Важную, но малоизученную часть материальной культуры восточных адыгов позднего средневековья составляют населенные пункты и строения, воздвигнутые для культовых целей. Строительство каменных крепостных сооружений, городов было развито в Черкесии неравномерно. Приморская Черкесия, более развитая в экономическом отношении, и ее геополитическое положение создавали необходимость возникновения и роста городов. По мере удаления от морского побережья Черкесии города были редки и сведения о них скудны.

Интересны замечания Джорджио Интериано по данному поводу: «Было бы посрамление знатному человеку построить дом либо замок с крепкими стенами, в особенности для собственного жительства, потому что это показало бы человека малодушного и трусливого, неспособного уберечь себя и защититься» [Интериано 1908: 14]. Данная тенденция наблюдалась в основном в центральных и восточных районах Черкесии, где общество сохраняло наиболее традиционные, архаичные черты. Несмотря на это, на территории восточных адыгов были воздвигнуты крепости и другие каменные строения, хотя плотность подобных сооружений в Западной Черкесии была несоизмеримо выше.

Для изучения обозначенной проблемы существенное значение имеют труды, в которых исследованы города и крепости на территории восточных адыгов. По сведениям Е.П. Алексеевой, значительным из них являлись каменные постройки у ст. Бургусантской [Алексеева 1959: 49]. Турецкий автор XVII в. Эвлия Челеби также упоминал о крепости Бургусантской в Бештаугорье (Пятигорье), очень красивой и хорошо укрепленной [Челеби 1979: 90]. Крепость с четырех сторон была окружена неприступными

горами. Площадь возвышенной цитадели составляла 16,3 га, площадь прилегающего открытого поселения — 115–116 га. Сведения Эвлия Челеби согласовываются и с данными Ш.Б. Ногмова, называвшего Боргусант «древним адыгским городом» [Ногмов 1994: 64]. (в Интернете — Боргустан)

Большое внимание уделяется исследованию Нижне-Джулатского городища. Ш.Б. Ногмов [Там же: 65] указывал, что термин Жулат кабардинцы называли башни и минареты, находящиеся в большом количестве на берегу Терека выше его соединения с Малкой. Башни, по Ш.Б. Ногмову построенные восточными адыгами, носили сакральный характер и служили часто, кроме оборонительных, для ритуальных целей. Позже, с установлением на данной территории власти Золотой Орды, они получили название Татартуп. Их исследование проводилось в 1920–1960-х годах [Ермоленко 1927: 4; Ионе 1963: 76; Чеченов 1967].

Нижний Джулат, возникший в раннем средневековье, активно функционировал до конца XIV в. — момента захвата и разгрома города эмиром Тамерланом. В городище выделяется цитадель, с юга к ней примыкает посад, а к востоку от них начинается территория обширного селища. Во время раскопок городища выявлены крупнейшая на Северном Кавказе соборная мечеть (436 кв. м), сооруженная в начале XIV в. Нижний Джулат являлся достаточно большим и процветающим позднесредневековым городом.

Надо отметить, что в русских летописях XVI в. на территории восточных адыгов упоминаются городки и крепости. Так, во время похода Темрюка Идарова и его русских союзников в лице Григория Плещеева против князя Пшеапшоко Кайтукина были разорены кабардинские города и крепости Мохань, Енгирь и Ковань [Кабардино-русские отношения... 1957: 46].

Во второй половине XIX в. к юго-западу от современного селения Верхний Баксан, вблизи истоков реки Баксан были выявлены развалины крепости, связанной с факториями генуэзцев средневекового периода [Ногмов 1994: 326].

Автором данной работы на территории Республики Абхазия проведен осмотр в верховьях реки Бзыбь района Псху, где обнаружены памятники адыгов позднего средневековья, в частности

развалины средневековой крепости (предположительно XV в.) Инал. Крепость возвышалась над р. Баул на высоте 100 м. На северных подступах она имела фасад и ров шириной 8 м. Главный вход крепости был с северной стороны — террасы. Высота стен достигала 7–8 м. Данная крепость, судя по всему, являлась хорошо укрепленным пунктом по пути в Кабарду, через Санчарский перевал. Сюда же пролегало ответвление шелкового пути.

Большое распространение на территории восточных адыгов имели культовые сооружения — храмы, церкви, часовни, склепы-*кешене* и др. Мартин Броневский [Адыги... 1974: 54] во время пребывания послом в Крыму во второй половине XVI в. собрал значительный материал о Черкесии, в том числе о восточных адыгах. Он отмечал наличие каменных построек-храмов, где раньше служили христианские священники.

С установлением в регионе российской администрации начался новый этап исследований. В 1 км северо-восточнее селения Былым известным караимским писателем и археологом А.С. Фирковичем были обнаружены и обследованы остатки башни (высота — 6, ширина — 10, толщина стен — около 1,5 аршин); на сохранившейся стене имелось небольшое окно. В 12 верстах к западу от Нальчика на правой стороне р. Шалушка им были обследованы развалины круглой в плане часовни; вокруг нее располагались несколько каменных плит с крестами [Фиркович 1857: 124, 125].

Во второй половине 1860-х годов на правом берегу реки Гунделен братьями Нарышкиными были описаны наземные склепы-*кешене* [Нарышкин 1871: 332]. Другой описанный ими склеп-*кешене* располагался в 3 км к юго-западу от селения Верхний Баксан на правом берегу реки Баксан. В конце 80-х годов XIX в. этнограф В.Я. Тепцов исследовал данный памятник. Склеп-*кешене* представлял собой прямоугольное в плане сооружение, сложенное из крупного булыжника на извести. Длина склепа составляла до двух сажен, ширина — около сажени. На стене склепа имелись изображения фигуры оленя и человеческой руки. Под полом склепа были обнаружены остатки деревянного гроба. Вокруг склепа располагался могильник [Тепцов 1892: 60].

Тогда же В.Я. Тепцов описал склеп в 6 км юго-восточнее современного с. Былым (по мнению исследователя, это сооружение являлось церковью), а недалеко от этого же селения в 1,5 км от р. Баксан — развалины небольшой христианской часовни. В XVIII в. эта часовня именовалась у балкарцев «Байрым» — «Божья мать».

Развалины храмов, часовен были обнаружены на территории и в предместьях г. Нальчик [Ермоленко 1927: 4; Отчет... 1900].

Важными для нас являются исследования археолога, этнографа, бывшего заведующего этнографическим отделом Русского музея А.А. Миллера. В 1924 г. в районе Кашкатау им были осмотрены развалины наземного склепа [Миллер 1932] (позже, в 1946 г., данный памятник обследовал П.Г. Акритас). Он представлял собой прямоугольное в плане сооружение с двускатной крышей, построенное из обработанного камня на известковом растворе, стены были оштукатурены. К юго-западу от него А.А. Миллер еще в 1883 г. обследовал склеп, представлявший собой восьмиугольное в плане сооружение с коническим покрытием, построенное из обработанных камней на известковом растворе.

В данном районе М.И. Ермоленко к юго-западу от с. Бабугент описал развалины церкви — каменной постройки, на стенах которой имелись высеченные кресты и надписи, предположительно греческие. Е.И. Крупнов, в 1947 г. обследовавший данный район, сообщал о руинах небольшого святилища или древнехристианской церкви с двускатной крышей [Крупнов 1948: 318].

Христианские культовые сооружения начали приходить в упадок в XVI в. в связи с началом проникновения ислама из Османской империи. В XVII в. под напором все возрастающей роли ислама происходило полное искоренение христианства, с чем связано и окончательное запустение христианских храмов.

В 1967 г. И.М. Чеченов зарегистрировал в Нальчике к западу от курортной зоны Долинск селище [Чеченов 1967]. Распространение находок позволяет сделать вывод о его площади — не более 50 × 70 м.

Селения кабардинцев в русских и османских источниках XVI–XVII вв. назывались *кабаками*. Большинство домов восточных

адыгов являлись турлучными, и места былых поселений ныне практически невозможно определить. Надо отметить, что до сих пор никто специально не занимался данной проблемой. Кабаки являлись основным видом поселений восточных адыгов. Французский путешественник XVII в. Ж.Б. Тавернье описал кабаки как селения в форме круга, со свободной площадкой в центре для скота [Адыги... 1974: 76]. Эвлия Челеби выделял среди кабаков княжеские ставки, которые назывались *пшуко*. По его сведениям, пшуко кабардинского князя состояло из 300 домов, в нем находились соборная мечеть, две мечети и баня. В целом, по оценке данного автора, кабардинские кабаки представляли собой благоустроенные селения, располагавшиеся в удобных местах [Челеби 1979: 86–88].

Библиография

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974.

Алексеева Е.П. Очерки по истории черкесов XIV–XV вв. // Тр. Карачаево-Черкесского НИИ. Черкесск, 1959. Вып. 3.

Интериано Дж. Рассказ генуэзца Джорджио Интериано о быте и нравах черкесов // Веселовский А.Н. Несколько географических и этнографических сведений о древней России, из рассказов итальянцев // Записки Русского географического об-ва по отделу этнографии. СПб., 1908. Т. 2.

Ермоленко М.И. Археология Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1927.

Ионе Г.И., Опрышко О.Л. Памятники рассказывают. Нальчик, 1963.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: В 2 т. М., 1957. Т. 1.

Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР / Уч. Зап. Кабардинского НИИ. Нальчик, 1948. Т. 4.

Миллер А.А. Десять лет работы Государственной Академии истории материальной культуры в Северо-Кавказском крае // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1932. № 9–10.

Нарышкин Н. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ с археологической целью в 1867 г. // Русское археологическое общество. СПб., 1871. Т. 8.

Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994.

Отчет археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900.

Тепцов В. По истокам Кубани и Терека // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14.

Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Русское археологическое общество. СПб., 1857. Т. 9, вып. 2.

Чеченов И.М. Археологические работы в городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г. // Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1967. Т. 20.

Челеби Эвлия. Книга путешествий. М., 1979. Вып. 2.

Н.В. Кашовская

СВОД ЕВРЕЙСКИХ НАДГРОБНЫХ ТЕКСТОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА: ПОЛЕВАЯ ФИКСАЦИЯ, ДАТИРОВКА, СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТАФИЙ

Любой исследователь, который, так или иначе, коснулся истории горских евреев, к сожалению, вынужден признать недостаточность письменных источников. О жизни, историческом прошлом еврейских общин важны любые свидетельства, так как их почти не сохранилось, а те исторические рассказы и путевые заметки путешественников, документальные сообщения, которые есть, существуют большей частью как вкрапления и до сих пор не собраны [Анисимов 1888: 14; Дорн 1864: 252–286; Фиркович 1872: 2–272].

Одно из самых ранних сведений о евреях в горных районах Восточного Кавказа имеется в «Кембриджском Анониме» (или «Список Шехтера»), который датирован публикаторами Норманом Голбом и Емельяном Прицаком X в. [Голб, Прицак 1997: 46, 129, 132, 134].

Дискуссионность вопросов о направлении дальнейшего расселения евреев в XIII–XIX веках в горные районы Дагестана заставляют искать новые источники и вводить их в научный оборот.

Основными объектами нашего исследования стали надгробные камни. В данной статье будут представлены предварительные результаты эпиграфического изучения кладбищ некоторых селений Южного Дагестана (Дербент и Маджалис, Ньюджи и Корчаг, Араг, Сиртич, Джерах, Марага, Хели-Пенджик, Янгикент).